

Е.Е. Иванов

Могилев, Беларусь

ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ АФОРИЗМОВ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

Неоднородные по своему происхождению, структуре и функциям афористические высказывания систематизируются в терминах теории литературы с помощью различных критериев.

Согласно классификации академика М.Л. Гаспарова [1987 (а); 1990, с. 559], все афоризмы с точки зрения неопределимости vs. определмости их авторства дифференцируются на два больших класса – а ф о р и з м ы ф о л ь к л о р н ы е (пословицы и поговорки) и л и т е р а т у р н ы е. Первые отличаются принципиальной невозможностью определения их ав-

тора как того или иного конкретного индивида (обычно считается, что создание фольклорных афоризмов – прерогатива так называемого «коллективного творчества народа», так как за исключением пословиц и поговорок литературного происхождения всегда остается неизвестным, кто именно, в отношении чего, в каком смысле и в какой форме впервые их высказал¹). Вторым свойственно наличие реального или потенциального (гесп. подразумеваемого) индивидуализированного автора. Исходя из последнего, все «литературные афоризмы» разграничиваются на три следующие категории.

Г н о м ы или **с е н т е н ц и и** – афористические высказывания, которые не обязательно соотносятся с именем своего автора и, будучи квалифицированы М.Л. Гаспаровым еще и как «безличные сентенции» [1990, с. 559], занимают «промежуточное положение между безымянной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом» [1987 (г)]. Ср. (здесь и далее примеры М.Л. Гаспарова): *Никто не обнимет необъятного*.

А п о ф е г м ы (или **а п о ф т е г м ы**) – афористические изречения, которые принадлежат или приписываются определенному автору («вложенные в уста конкретного лица» [1990, с. 559]), как правило, из числа известных исторических лиц на основании наличия текстологических источников или согласно слухам (разной степени точности) [1987 (а)]. Ср.: *Мудрец Картезий* сказал: «*Никто не обнимет необъятного*».

Х р и и – афористические высказывания определенного лица в определенных обстоятельствах («вложенные в уста конкретного лица при конкретных обстоятельствах» [1990, с. 559]), обычно в виде рассказа-миниатюры, который представляет собой остроумное или поучительное изречение какого-нибудь великого человека в контексте биографического или анекдотического сообщения о том или ином событии, которое заставило его высказаться [1987 (а)]. Ср.: *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом отвечивал: «Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!»*.

Еще одна классификация афоризмов по их генолого-семантическим отличиям принадлежит М.Н. Эпштейну [1987, с. 43]. Согласно этой классификации, внутри афористики как жанра словесного творчества выделяются следующие виды афористических высказываний, исходя из специфической для каждого из них содержательной структуры и поэтико-языковой формы ее выражения.

С е н т е н ц и и – изречения декларативного характера, которые по своей логико-смысловой структуре соответствуют своеобразному «теоретическому» результату обобщения действительности. Ср. (этот и два последующих примера М.Н. Эпштейна): (в переводе с др.-греч.) *Статую красит вид, а человека – деяния его* (Пифагор).

М а к с и м ы – изречения подчеркнуто директивного характера, обобщение действительности в которых имеет «эмпирическое» значение, обычно в виде наставления. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях* (Эпиктет).

Г н о м ы – обобщения действительности в виде поучительных по содержанию изречений, как правило, стихотворных и анонимных, однако иной раз высказанных от имени своего автора. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Вот Фокилида слова: что за польза от знатного рода Тем, у кого ни в словах обаяния нет, ни в совете?* (Фокилид).

Х р и и – изречения, в которых обобщение действительности нельзя отделить от той жизненной ситуации, которая «спровоцировала» его появление (ср. с определением хрии у М.Л. Гаспарова). Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Часто он [Сократ] говорил, глядя на множество рыночных торговцев: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!»* [Диоген 1986, с. 100].

Еще одна дифференциация афоризмов, в основу которой положен целый комплекс гетерогенных критериев, была предложена академиком Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, авторами первого в славянской филологии исследования, целиком посвященного теоретическому рассмотрению афоризма как продукта и способа художественного словесного творчества [1990, с. 86–90].

¹ В этой связи следует сразу оговориться, что отсутствие ассоциации определенного афоризма с его автором может иметь не только категоричный (как у М.Л. Гаспарова), но и собственно функциональный характер. Это касается прежде всего довольно многочисленного класса пословиц и поговорок, которые генетически восходят к индивидуально-авторским афоризмам.

Прежде всего на основании автономного vs. неавтономного характера своего функционирования как текстов все афористические высказывания подразделяются на так называемые обособленные (или самостоятельные) афоризмы (т.е. автономные тексты), «входящие в произведения, состоящие из одних афоризмов (напр., в такие, как упомянутые уже «*Reflexions ou sentences et maximes morales*» Франсуа де Ларошфуко, «*Aphorismen*» Георга К. Лихтенберга, «*Плоды раздумья*» Козьмы Пруткова и т.п.)» и вводные (т.е. интертексты), которые «встречаются в различных литературных жанрах: в романах, повестях, драмах, поэме, очерке»².

И первые, и вторые, в свою очередь, разграничиваются на основании ритмизованности или неритмизованности формы своего речевого выражения на «афоризмы поэтические» (или «афористихи» [1990, с. 101]) и афоризмы в прозе.

Последние в зависимости от их лексического и синтаксического объема дифференцируются на собственно «афоризмы» и так называемые «афористические высказывания» (или «афоры высказывания» [1990, с. 101]) – «суждения, сжатые до предела», но размер которых выходит за привычные «границы афоризма» (одного-двух простых предложений с общим количеством слов около 7–9 единиц). Ср. (примеры Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской): *Нет у людей истинной свободы без свободы высказывать свои мысли* (Вольтер); *Если мы имеем по яблоку и обменяемся ими, мы ничего не выигрываем; а если у вас есть идея и у меня есть идея, обменявшись, мы будем иметь каждый по две идеи* (Б. Шоу).

Как можно видеть, в современной филологии пока не существует общепринятого концептуального и/или методологического подхода к систематизации афористического материала. В то же время, ни одна из упомянутых классификационных схем не только не исчерпывает представления об афоризме как специфической категории высказывания во всем многообразии его типологических структурных и функциональных разновидностей, но и не является последовательной и непротиворечивой. Причин этого можно выделить несколько.

Во-первых, следует считать то, что сама проблема систематизации афористического материала традиционно решается в рамках понимания афоризма только как объекта изучения одной филологической дисциплины – теории литературы. Именно поэтому при систематизации афористического материала не подпадают дифференциации клишированные афоризмы (прежде всего фольклорного происхождения, которые в большинстве литературоведческих классификационных схем вообще отсутствуют).

Заведомо узкий взгляд на объем афористики детерминирован еще и весьма невысокой степенью репрезентативности самих критериев той или иной классификации (даже в тех случаях, когда при систематизации афористического материала используется целый ряд разноплановых критериев) и/или вообще только эмпирическим предназначением самой классификационной схемы.

Использование, например, М.Л. Гаспаровым в качестве критерия систематизации афоризмов степень известности автора того или иного афористического высказывания не только не позволяет дифференцировать фольклорную афористику, но и практически исключает из числа афоризмов все не «наличное» (не литературное, т.е. не письменное) тексты, к которым принципиально не применимы такие параметры, как «неопределимость vs. определимость авторства, соотношение с именем автора и/или с ситуацией употребления, принадлежность и/или приписывание определенному автору» и т.п. Последние требуют необходимости самостоятельного существования текста афоризма во времени и пространстве вне речевого акта (т.е. вне автора и/или ситуации порождения того или иного высказывания, с которыми его и следует «соотнести» и т.п.) и имеют смысл только в рамках диахронной перспективы рассмотрения афористики (в противном случае невозможно избежать противоречивости в типологической квалификации афоризмов, например, таких, как пословицы литературного происхождения).

Во-вторых, отсутствие общепринятой точки зрения в систематизации афористического материала языка vs. речи, а также более или менее репрезентативной соответствующей класси-

² Следует, однако, заметить, что Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская отнюдь не являются оригинальными, так как аналогичная классификация уже встречается в 9-томной «Краткой литературной энциклопедии», причем почти в тех же терминах (ср., например, «вводный афоризм») [Афоризм 1962].

фикационной схемы, можно объяснить крайней противоречивостью и даже ошибочностью отдельных трактовок тех или иных особенностей афоризмов в рамках определенных классификаций.

Решительно нельзя, например, согласиться с выделением и академиком М.Л. Гаспаровым, и М.Н. Эпштейном такой разновидности литературного афоризма, как так называемая «хрия», которая в генолого-семантической парадигме разновидностей малых литературных форм совершенно очевидно должна представлять собой более широкое понятие, чем афоризм. По композиционно-содержательной структуре хрию следует рассматривать как нарративный текст, где описывается какое-либо примечательное событие из жизни известного мудреца или героя, который высказывает свою оценку происходящего в виде реплики-изречения (кстати, далеко не всегда именно афористического³). То же самое можно сказать и в отношении выделения в классификационной схеме М.Л. Гаспарова такой разновидности афоризма, как «апоф(т)егма», которая в действительности представляет собой афористическое высказывание в контексте указания на источник (т.е. субъект – автора констатации или оценки сообщаемого) и/или характер того знания, которое лежит в основе сообщения говорящего.

Невысокий уровень репрезентативности классификаций афоризмов детерминирован еще и довольно значительными эпистемологическими лакунами и метаязыковыми противоречиями. Так, в классификациях М.Н. Эпштейна и Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской не представлена такая разновидность афористических высказываний, как «пословицы» и «поговорки», а термины «сентенция» и «гнома» у М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна наполнены противоположным содержанием.

В классификации М.Л. Гаспарова, например, не нашлось места для такой известной разновидности литературных афоризмов, как «максима» (глухо упоминается только сам термин в отношении «афоризмов морального содержания», которые «называются также максима» [Гаспаров 1987 (а)], хотя сам же М.Л. Гаспаров в том же самом «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), где приводится его классификация, вне ее, уже в специальной статье, квалифицирует максиму именно как «вид афоризма» [Гаспаров 1987 (в)]. С другой стороны, «апоф(т)егмы» и «пословицы» и «поговорки», определяемые М.Л. Гаспаровым как соответствующие разновидности «афоризма», в специально посвященным им статьям той же литературной энциклопедии как «афоризмы» уже не квалифицируются [Апоф(т)егма 1987; Поговорка 1987; Пословица 1987].

Следует отметить, что классификация афоризмов М.Л. Гаспарова вообще может служить весьма показательным образцом эпистемологической и метаязыковой неопределенности понимания афоризма в терминах теории литературы. Так, например, та же «максима» определяется М.Л. Гаспаровым одновременно и как «афоризм морального содержания», и как «моралистическая по содержанию разновидность сентенции», что неизбежно ведет к нейтрализации декларированных родовидовых отношений между «афоризмом» и «сентенцией», хотя последняя недвусмысленно квалифицируется тем же М.Л. Гаспаровым именно как «вид афоризма» [1987 (г)]. Такого рода противоречия возникают, как правило, во многом в результате смешения генолого-семантического (синхронного) и историко-поэтического (диахронного) подходов при квалификации и систематизации текстов афористического жанра и неизбежной в этом случае терминологической путаницы. Более чем показательным в этой связи является то, что при дифференциации «античных» афоризмов М.Л. Гаспаров вовсе не употребляет сам термин «афоризм», а гному, апоф(т)егму и хрию квалифицирует как разновидности «сентенции» (!) [1990, с. 559].

Отсутствие упорядоченного метаязыка квалификации афоризма во всех его проявлениях как текста и как единицы языка vs. речи на фоне существования устойчивой и гетерогенной системы соответствующих обозначений в обиходной речи говорит не столько о молодости и неопределенности основных понятий афористики как самостоятельной области научного зна-

³ Вообще, большинство реплик того или иного мудреца или героя в составе хрии, как правило, не являются афоризмами. Так, например, в «Изречениях царей и полководцев» Плутарха из 392 текстов, которые можно отнести к хриям, изречения афористического характера встречаются только в 73 (т.е. менее чем 19 % от их общего количества) [Плутарх 1990].

ния, сколько об определенном влиянии обыденной картины мира на формирование научных понятий. Можно утверждать, что существующие теоретические взгляды на афоризм во многом находятся «в плену» слов и их значений, когда, с одной стороны, понятие о предмете формируется на основе не системно-научных представлений, а только лексического значения соответствующего слова, с другой же стороны, при обозначении тех или иных понятий как результатов системно-научного познания действительности лексическое значение используемого слова не обязательно совмещается с соответствующим понятием (т.е. большинство афористических терминов наполняются понятийным содержанием *ad hoc*). Иначе весьма трудно объяснить столь поразительные эпистемологические и метаязыковые расхождения в систематизации афористического материала как объекта одной и той же дисциплины (теории литературы) и с использованием одной и той же терминологии (в данном случае, в классификационных схемах М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна).

В этом смысле сама попытка ввести искусственным путем новую терминологию как способ освободиться вместе со старыми словами и их значениями от порождаемого ими метаязыкового хаоса является более показательной, чем отказ от всякого рода терминологических инноваций вообще. Следует отметить, что все предложения по упорядочиванию традиционной терминологии эксплицитно или имплицитно связаны с типологической квалификацией и/или систематизацией афористического материала и либо направлены на уточнение имеющихся терминов (ср. метаязык классификационных схем М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна), либо характеризуются введением новых терминологических обозначений, мотивированных уже существующими.

Показательным примером вторично мотивированных инноваций в афористической терминологии являются новообразования «афоростих» и «афорвысказывание», принадлежащие Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской. Данные термины нельзя признать удачными ни с точки зрения их словообразовательной структуры, ни с содержательной стороны. Первый из них противоречит правилам русского словообразования, так как, будучи аббревиатурой, образован по модели чистого сложения посредством интерфиксации (!), а в составе второго имеет место неверное понимание такой реалии, как «высказывание». В последнем случае *lapsus linguae* здесь заключается даже не столько в том, что термином «высказывание» обозначается только определенная разновидность речевых высказываний, а именно, имеющих достаточно большой синтаксический и лексический объем, сколько в том, что подобный критерий выделения соответствующей категории афоризмов (в его декларированном виде) вообще не является семантически релевантным (т.е. в грамматической системе языка не существует такой оппозиции, как «высказывания большего линейного объема vs. высказывания меньшего линейного объема», поскольку и те, и другие производятся с использованием одних и тех же существующих в данном языке синтаксических моделей).

Сама необходимость создания этих аббревиатур была обусловлена, по-видимому, только желанием Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской придать в своей систематизации афористического материала категориальное содержание понятиям «стихотворный афоризм» и «афористическое высказывание», соответствующие обозначения которых либо никогда не употреблялись в качестве терминов, либо уже имеют иное значение. В частности, стихотворный афоризм традиционно, еще со времен античности, называли обычно «гнома» (ср. определение последней в классификационной схеме М.Н. Эпштейна, а также [Гаспаров, 1987 (б)]). Термин же «афористическое высказывание» в современной лингвистике обычно употребляется для обозначения фраз с обобщенной (универсальной), абстрактной семантикой в противопоставление неафористическим высказываниям, семантика которых конкретизирована (фактологична), событийна.

Последнее ярко отражает основное противоречие современного состояния изучения афоризма, которое состоит, с одной стороны, в осознании необходимости и попытках более точной и глубокой репрезентации структурных и функциональных параметров афоризма во всех его проявлениях как текста и как единицы языка vs. речи, а с другой, в объективной невозможности отказаться от традиционных представлений об афоризме без отказа от использования существующей афористической терминологии с ее преимущественно обиходным содержанием.

В-третьих, дифференциальные признаки разновидностей афоризма не всегда оказываются четко и однозначно определены, что детерминирует не только принципиально различную интерпретацию последних в рамках отдельных общих систематизаций афористического материала, но и внутреннюю противоречивость и непоследовательность даже самых строгих, на первый взгляд, классификационных схем. Так, например, к той разновидности афоризма, которая обладает, согласно М.Н. Эпштейну, дифференциальными признаками «гномы», можно целиком применить дифференциальные признаки «апоф(т)егмы» в понимании М.Л. Гаспарова (ср. вышеприведенные примеры).

Ярким примером неопределенности дифференциальных признаков декларируемой разновидности афоризма можно считать квалификацию «сентенции» М.Л. Гаспаровым, который определяет ее и как «афоризм без имени автора» [1987 (а)], и как «нечто среднее между безымянной фольклорной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом», при этом сентенция «с усилением философского содержания сближается с гномой, дидактического — с максимой, а будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апоф(т)егмой или хрией» [1987 (г)] (ср. с определением М.Л. Гаспарова тех же «максимы», «гномы» и «хрии» [1987 (б); 1987 (в); 1987 (д)]). В таком случае «сентенция» одновременно и выступает в качестве разновидности «литературного афоризма», и замещает его (при определенных условиях «становится апоф(т)егмой или хрией»), и противопоставляется самой себе либо по отношению к другим разновидностям литературных афоризмов (то целиком отождествляется с «гномой», то лишь при определенных условиях «сближается» с ней), либо при выделении ее конститутивных признаков (определяется то как «афоризм без имени автора», то как «нечто среднее между безымянной фольклорной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом»).

В связи с последним следует заметить, что отсутствие ассоциации определенного афористического высказывания с его автором может иметь не только категориальный характер (как в интерпретации М.Л. Гаспарова), но и функциональный, что касается прежде всего тех пословиц и поговорок, которые генетически являются индивидуально-авторскими афоризмами (восходят, например, к произведениям художественной литературы или публицистическим текстам).

Декларируемые в существующих общих систематизациях афористического материала дифференциальные признаки тех или иных разновидностей афоризма далеко не всегда целиком являются именно таковыми (т.е. действительно категориальными). Это во многом объясняет то, что одни и те же типы афористических высказываний выделяются в рамках разных классификационных схем на основании неодинаковых критериев (ср., например, «гномы» и «сентенции» у М.Л. Гаспарова и у М.Н. Эпштейна), тогда как одни и те же разновидности афоризмов приобщаются в разных классификациях к различным дифференциальным признакам, а, соответственно, и разное содержание (ср. «апоф(т)егму» у М.Л. Гаспарова и «гному» у М.Н. Эпштейна).

Некатегориальный характер интерпретации дифференциальных признаков такой разновидности литературных афоризмов, как так называемые «афористические высказывания» (или «афорвысказывания»), детерминирует непоследовательность в выделении разновидностей афоризмов и в классификационной схеме Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, где все не стихотворные афоризмы подразделяются в зависимости от своего лексического и синтаксического объема на собственно «афоризмы» и на «афорвысказывания», тогда как стихотворные афоризмы (или так называемые «афоростихи») соответствующим образом не дифференцируются, хотя, как отмечается самими же Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, подавляющее большинство последних составляют двустишия (обычно довольно объемные по своему лексическому и синтаксическому составу) либо строфы с еще большим количеством стихов, прежде всего катрены (преимущественно в форме таких национально-генологических разновидностей, как «рубашка» и т.п.).

Именно некатегориальным осмыслением соответствующих дифференциальных признаков тех или иных разновидностей афоризма во многом (наряду с желанием прежде всего урядочить метаязык квалификации афоризма во всех его проявлениях как текста, о чем см. уше) и можно объяснить отсутствие эксплицированности структуры классификационной схемы Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, которая задана простым перечислением (списком) выделяемых типов афоризмов [1990, с. 101].

Таким образом, в основу систематизации афористического материала не могут быть положены ни какой-либо один универсальный критерий, ни определенный ряд в каком-либо отношении гомогенных критериев, поскольку афоризм по своей природе является разноаспектным лингвистическим феноменом.

При систематизации разнородных по своему генезису, структуре и функциональным особенностям афористических высказываний следует использовать целый ряд иерархично упорядоченных гетерогенных критериев. Такой подход при научном анализе действительности можно считать полностью оправданным в том случае, если предметом рассмотрения выступает сложный объект, который в разных своих проявлениях может обладать различными категориальными признаками (т.е. образовывать с некоторыми однородными объектами более одного множества). Это позволит, во-первых, охватить классификацией все возможные разновидности афоризмов, во-вторых, расчленить их на определенные совокупности более или менее гомогенных единиц для того, чтобы выделить основные типы афористических высказываний, а в-третьих, точно определить категориальные признаки каждого типа.

Литература

1. Алоф(т)ега // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 32.
2. Афоризм // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. — М., 1962. — Т. 1. — С. 366.
3. Гаспаров, М.Л. Афоризм / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987 [а]. — С. 43.
4. Гаспаров, М.Л. Гнома / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987 [б]. — С. 78.
5. Гаспаров, М.Л. Максима / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987 [в]. — С. 206.
6. Гаспаров, М.Л. Примечания [к «Изречениям царей и полководцев» Плутарха] / М.Л. Гаспаров // Плутарх. Застольные беседы. — Л., 1990. — С. 558–566.
7. Гаспаров, М.Л. Сентенция / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987 [г]. — С. 375.
8. Гаспаров, М.Л. Хрия / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987 [д]. — С. 487.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1986.
10. Плутарх. Изречения царей и полководцев / Плутарх // Застольные беседы. — Л., 1990. — С. 340–386.
11. Поговорка // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 283.
12. Пословица // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 291.
13. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская. — М., 1990. — С. 86–90.
14. Эпштейн, М.Н. Афористика / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 43–44.